

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов»

В.Э. Молодяков

Аннотация. Настоящая статья анализирует реакцию французских юристов на новый этап японской экспансии в Китае — оккупацию Маньчжурии осенью 1931 г., известную как «Маньчжурский инцидент», и создание там государства-сателлита Маньчжоу-го. В то время как Лига Наций и правительства почти всех великих держав осудили действия Японии как агрессию и нарушение международного права, среди французских интеллектуалов разгорелась дискуссия, в ходе которой были рассмотрены как китайские, так и японские аргументы. Европейский центр Фонда Карнеги в Париже в 1933 г. пригласил профессора юридического факультета Сорбонны Жана Эскарра (1885–1955) прочитать курс из шести публичных лекций «Лига Наций и китайско-японский конфликт» (12 января — 16 февраля). Юридический советник нескольких китайских национальных правительств в 1921–1929 гг. и один из авторов Гражданского кодекса Китая 1929 г., Эскарра занимал прокитайскую позицию, однако заявил, что выступает не от имени китайской стороны, а лично от себя, анализирует и оценивает происходящее как независимый эксперт с точки зрения международного права, а не одной из сторон. Позицию японской стороны в конфликте представил доктор права Жан Рэй (1884–1943), профессор французского права Токийского университета (1916–1919 гг.), юридический советник МИД Японии (1918–1924, 1927–1929 гг.) и японского посольства во Франции (1924–1927, 1929–1943 гг.). Он также прочитал шесть публичных лекций под названием «Позиция, деятельность и политика Японии в Маньчжурии» (9 марта — 4 мая 1933 г.). Оба юриста оперировали историческими фактами, но их правовые трактовки радикально различались в зависимости от занятой позиции — например, по вопросу о

том, является ли Маньчжурия неотъемлемой частью «собственно Китая» или всего лишь его владением. В заключительной части статьи в научный оборот вводится монография А.Р. Тюлье «Маньчжурия и китайско-японский конфликт перед Лигой Наций» (1935), за которую юридический факультет Университета Тулузы присвоил автору ученую степень доктора права. Детально проанализировав позицию обеих сторон, Тюлье пришел к выводу, что с точки зрения международного права аргументы Японии более весомы. Изучение восприятия во Франции континентальной политики Японии не только обогащает нас новыми знаниями об истории эпохи, но позволяет лучше понять ее политическую философию и функционирование систем пропаганды и имиджмейкинга.

Ключевые слова: Япония, Франция, Маньчжурия, Китай, Лига Наций, экспансия, международное право.

Автор: *Молодяков Василий Элинархович*, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Токио, Япония). E-mail: dottore68@mail.ru

Japan's Continental Policy as seen from France: "Manchurian Incident" and "lawyers' duel"

V.E. Molodiakov

Abstract. This article analyzes a response of various French jurists to a new phase of Japanese expansion into China — occupation of Manchuria in Autumn 1931 known as "Manchurian Incident" and establishment of puppet-state Manchoukuo there. The League of Nations as well as governments of almost all Great Powers condemned Japan's action as "aggression" and violation of international law, but French intellectuals hotly discussed these events using Chinese arguments as well as Japanese ones. European center of Carnegie Foundation in Paris invited Jean Escarra (1885–1955), Professor of the Paris University, Faculty of Law, to give six public lectures on "The League of Nations and Sino-Japanese Conflict" (January 12 to February 16, 1933). Legal advisor to several Chinese national governments in 1921–1929 and one of the principal authors of Chinese Civil Code of 1929 Escarra defended Chinese position in the conflict but stated that he was acting not as a representative of the Chinese side but personally as an independent scholar commenting and analyzing events from the point of view of international law and not of any part in the conflict. Doctor of Law Jean Ray (1884–1943)

presented Japanese arguments in the case. Ray served as Professor of French law in the Tokyo Imperial University (1916–1919), as legal advisor to the Ministry of Foreign Affairs of Japan (1918–1924, 1927–1929) and of Japanese embassy in Paris (1924–1927, 1929–1943). Ray also gave six public lectures on “Position, Activities and Policy of Japan in Manchuria” (March 9 to May 4, 1933). Both jurists used historical facts but their legal interpretations differed drastically because of taken part — for example, was Manchuria an integral part of “China proper” or only one of its possessions. Also this article presents a forgotten study of A.R. Tullie “Manchuria and Sino-Japanese Conflict Ahead of the League of Nations” (1935) who obtained for it Doctor of Law degree from the Toulouse University, Faculty of Law. Having meticulously analyzed the two sides’ arguments from the point of view of international law Tullie concluded that the case for Japan is much stronger. A study of French opinion and response to Japanese continental policy will not only enrich our knowledge about the history of this period but also will help us to understand better its political philosophy as well as working of the propaganda and image-making systems.

Keywords: Japan, France, Manchuria, China, League of Nations, expansion, international law

Author: *Molodiakov Vassili E.*, LL.D. (Political Science), Ph.D. (History), Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Leading Researcher, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies, Professor. E-mail: dottore68@mail.ru

Оккупация Маньчжурии, или «Трёх восточных провинций» (Фэнтянь, Гирин, Хэйлунцзян), Квантунской армией осенью-зимой 1931/32 г. и усиление военно-политического присутствия Японии на континенте изменили баланс сил в Северо-Восточной Азии, что повлияло не только на участников событий и их ближайших соседей (в первую очередь, на СССР), но и на «великие державы». После «Маньчжурского инцидента», как назывались в Японии эти события (подчеркивалось, что речь не идет о войне с Китаем!), и последовавшего за ним «Шанхайского инцидента» 1932 г. ситуация в регионе изменилась необратимо, хотя стратегический характер случившегося оценили далеко не все участники и наблюдатели событий.

Маньчжурия не впервые оказался ареной схватки царств и империй, но значение событий 1931–1932 г. выходило далеко за пределы военных действий и даже борьбы за передел сфер влияния. Если в результате японо-китайской войны 1894–1895 г. «Китай

стал окраиной стремительно развивавшейся Японии» [Мещеряков, 2006, с. 549], если в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. аксиомой считалось то, что «инициатива будет принадлежать японской армии, которая станет воевать на чужой территории» [Мещеряков, 2006, с. 596], то теперь речь шла о принципиально новом этапе континентальной экспансии Японии, закрепленном провозглашением 1 марта 1932 г. государства Маньчжоу-го. Пресса, за исключением японской и прояпонской, заключала его «независимость» в кавычки. Однако трудно было не признать, что это не единственное государство-сателлит и что обстоятельства его создания и определения границ во многом походили на действия «картографов» Антанты, перекраивавших карту Европы на Парижской мирной конференции.

Новый этап японской экспансии вызвал осуждение со стороны Лиги Наций и «великих держав», включая не входивших в нее США и СССР. Однако реакция политического и общественного мнения Франции, исследование которого начато в нашей предыдущей статье, оставалась дифференцированной и отражала наличие не только антияпонских, но и умеренно прояпонских тенденций. Дело не в том, что, по утверждению Жана Эскарра, «Япония предпринимала колоссальные пропагандистские усилия, покупая во всех странах — *прежде всего во Франции* (выделено мной. — В.М.) — значительную часть прессы» [Escarra, 1937, с. 7], — японские пропагандисты пытались влиять прежде всего на англоязычную печать — с целью пропаганды и контрпропаганды. Как отметил профессор Киотоского университета и директор Французского института в Киото Жорж Бонно, «управляемые американцами газеты открыли свои страницы китайцам, живущим в Японии, для жалоб на японскую администрацию» [Bonneau, 1933, с. 32]. Дело было в том, что по замечанию Пьера-Этьена Фландена, французская элита «смотрела на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin, 1947, с. 131].

Необъявленная война велась не только на полях Маньчжурии и в залах заседаний Лиги Наций и её комиссий, но и в сфере пропаганды. Пропагандистские войны стары, как мир (точнее, как война), но именно Первая мировая вывела их на принципиально новый уровень. «Великая война отличалась от предыдущих конфликтов прежде всего признанием силы общественного мнения, —

утверждал главный пиарщик США Джордж Крил. — Это была борьба за сознание людей» [Creel, 1920, с. 3]. Помимо апеллирования к патриотизму и «бранной славе», в пропагандистской риторике усилились темы «законной» и «справедливой» войны, причем «законность» и «справедливость» стали обосновывать не интересами одной страны, но международным правом. Особенно в этом преуспела пропаганда Антанты. Её победа оправдывала действия победителей уже не по принципу «горе побеждённым», но юридически — как было закреплено в Версальском и других мирных договорах. Родился даже иронический афоризм: «Международное право — это то, что нарушают другие».

В ходе «Маньчжурского инцидента» Япония и Китай пытались представить свои действия основанными на соблюдении международного права, а действия другой стороны — нарушающими его. О правовых аспектах этих событий существует обширная литература, в основном относящаяся к рассматриваемой эпохе. Не будучи специалистом в области международного права, автор не берётся дать ей квалифицированную оценку. Впрочем, это едва ли нужно: правовые аргументы ничего не решали и мало на что влияли, но лишь обслуживали политические кампании сторон, а потому заслуживают внимания с точки зрения пропагандистской эффективности. Следует учитывать и «фактор победителя», в силу которого аргументация победившей стороны воспринимается как истинная и справедливая, аргументация проигравшей — как «пропаганда» в уничижительном смысле слова.

Однако непосредственно в ходе конфликта элита «великих держав» пыталась если не встать над схваткой, то изобразить беспристрастность и дать обеим сторонам равную возможность высказаться. В начале 1933 г., когда «инцидент» вступил в заключительную стадию, Япония окончательно закрепились в Маньчжурии, Лига Наций и США окончательно укрепились в осуждении Японии, — работавший в Париже Европейский центр Фонда Карнеги (исполнительный директор Эрл Бэбкок) по поручению Отдела международных отношений Фонда (директор Николас Батлер) пригласил профессора юридического факультета Сорбонны Жана Эскара (1885–1955) прочитать курс из шести лекций «Лига Наций и китайско-японский конфликт» (12 января — 16 февраля 1933 г.).

Известный специалист по гражданскому праву, Эскарра также читал лекции в парижском Институте китайских исследований, а в 1921–1929 гг. работал в Китае в качества юридического советника сменявших друг друга национальных правительств и был одним из авторов Гражданского кодекса 1929 г., принятого режимом Чан Кайши. Его позиция была прокитайской, поэтому Эскарра заявил, что выступает не от имени китайской стороны, а лично от себя, т.е. анализирует и оценивает происходящее как независимый и беспристрастный эксперт с точки зрения международного права, а не одной из сторон. Заявление мало кого могло убедить, поэтому Европейский центр Фонда — «верный обыкновению никогда не представлять вопрос только с одной стороны» [Escarra-Ray, 1933, с. 5] — вслед за ним предоставил трибуну доктору права Жану Рэю (1884–1943), юридическому советнику японского посольства в Париже. С 9 марта по 4 мая 1933 г. Рэй прочитал шесть публичных лекций под названием «Позиция, деятельность и политика Японии в Маньчжурии». Фонд выпустил отдельной книгой стенограммы всех лекций, в предисловии к которой Бэбкок отметил, что «многочисленная публика живо оценила умеренность и добрую волю, с какой обе позиции были изложены экспертами, компетентность которых является общепризнанной» [Escarra-Ray, 1933, с. 5]. «Дуэль юристов» не только стала значимым эпизодом политико-пропагандистского противостояния Японии и Китая, но и отразила разность бытовавших во Франции точек зрения на дальневосточные события и политику обеих держав, поскольку в ней были задействованы фигуры, авторитетные если не для всего общества и общественного мнения, то для его «активной фракции».

Эскарра начал морализаторски: «Существуют два метода разрешения международных конфликтов: один взывает к силе, другой основан на праве. Первый, столь же древний, как само человечество, является политическим методом. Он использует всё, что осуждается моралью и карается законом, когда к этому прибегают частные лица, но в политике государств это считается нормальным. Интриги, шпионаж, подкуп, субсидии поджигателям гражданских войн, создание и использование инцидентов, территориальные захваты, угрозы, покушения, таковы компоненты любой Realpolitik (в оригинале по-немецки. — В.М.), в которой годится всё, что “окупается”. Государство, которое к ней прибегает, знает, что найдёт

себе оправдание в успехе. С него спросят только в случае поражения» [Escarra-Ray, 1933, с. 3]. Прервём цитату для необходимого замечания. Во Франции слово Realpolitik имело однозначно негативную окраску, восходящую к временам обоих императоров Вильгельмов и Бисмарка (позже его применят к Гитлеру). Понятно, что речь идёт о Японии. Эскарра сразу настраивал французского слушателя / читателя против неё.

Что противостоит Realpolitik? «После войны 1914–1919 гг. была предпринята попытка отказаться от бисмарковского понимания вещей, в котором право не имеет силы во внешней политике, и создать юридический метод организации мира с помощью Устава Лиги Наций. Державы, которые подписали его, тем самым обязались воздерживаться от применения силы при решении своих разногласий или, по крайней мере, прибегать к ней только тогда, когда исчерпаны все формы мирного урегулирования, предусмотренные Уставом. Китайско-японский конфликт прискорбно свидетельствует о хрупкости подобных обязательств» [Escarra-Ray, 1933, с. 3–4]. Позиция Эскарра очевидна: он хочет противопоставить Японии не Китай, но Лигу Наций (сейчас сказали бы «мировое сообщество»), под Уставом которой стоит и её подпись. Далее он гневно обличил «агрессию, дерзость, насильственный характер и неоправданность которой с трудом находят себе параллель в истории», а также «искусственное создание Маньчжоу-го», «неизбежно осужденное» Лигой Наций [Escarra-Ray, 1933, с. 4].

Оратор принадлежал к тем, кто считал позицию Лиги недопустимо мягкой по отношению к Токио, поскольку она не привела в действие ни свой Устав, ни Антивоенный пакт (Пакт Бриана-Келлога, или Парижский пакт) 1928 г. и не признала Японию агрессором с вытекающими из этого последствиями. Развивая наступление, он отметил у Японии «отсутствие политической зрелости, необходимой для того, чтобы держать своё слово и уважать пакт международной правовой организации», а потому «ей не место, по крайней мере на время, в Лиге Наций. Она и сама поняла это, покинув её», — добавил он саркастически [Escarra-Ray, 1933, с. 5].

Выстроив свои лекции как обвинение против Японии с точки зрения международного права, которое, по его мнению, на стороне Китая, Эскарра развернул историческую и правовую аргументацию с целью доказать заявленные тезисы. Принципиально нового в его

аргументах не было. Первую главу (текст шести лекций Эскарра представил в виде пяти глав с введением) «Маньчжурия. Её связи с Китаем» он посвятил опровержению излюбленного японского тезиса о том, что Маньчжурия ни исторически, ни этнически, ни культурно не является частью «собственно Китая» (англ. China proper, яп. *Сина хомбу*). Обе позиции были односторонними и в этой односторонности неверными. Эскарра отметил, что даже после распада Китая как единого государства в результате Синьхайской революции Япония регулировала отношения с Маньчжурией, включая признание её интересов и прав, через национальные правительства Китая, добавив «с некоторой иронией» (его определение), что японцы не ставят под сомнение исторические связи Китая и Маньчжурии в эпоху правления маньчжурской династии [Escarra-Ray, 1933, с. 18–19]. Вторая глава «Международное положение Маньчжурии после 1895 года» была призвана показать, что нынешние действия Японии вытекают из всей её прежней политики на континенте и что положение Маньчжурии неотделимо от положения Китая в целом. За точку отсчёта было выбрано окончание японо-китайской войны, поскольку «Маньчжурия лишь тогда вошла в международную политику», однако саму войну юрист показал как результат японской экспансии в Корею, ставшей причиной конфликта с Китаем [Escarra-Ray, 1933, с. 25–26]. Изложив историю проникновения «великих держав» в Маньчжурию и попыток закрепиться там, Эскарра заявил, что до завершения Вашингтонской конференции политика Токио принципиально не отличалась от политики других стран. Подписав Договор девяти держав, «Япония подтвердила наличие у неё специальных интересов в Маньчжурии, хотя отказалась от сфер влияния, аннулировала прежние двусторонние соглашения и обещала уважать административную и территориальную целостность Китая, но не могла оставаться безмолвным зрителем того, как рушились её мечты о господстве в Маньчжурии» [Escarra-Ray, 1933, с. 39].

Третью главу Эскарра отвёл «позиции и правам Японии в Маньчжурии», начиная с Симоносэского мирного договора 1895 г. с Китаем. По его словам, «то, что для простоты называется правами Японии в Маньчжурии, бесконечно сложно», поскольку эти права регулировались множеством двусторонних и многосторонних договоров и соглашений, межгосударственных и местных, часть кото-

рых утратила силу после Вашингтонской конференции [Escarra-Ray, 1933, с. 44]. Демонстрируя объективность, юрист не отрицал наличия у Японии прав и интересов, прежде всего, связанных с Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). Столкновение железнодорожных интересов Эскарра назвал одной из непосредственных причин нынешнего конфликта [Escarra-Ray, 1933, с. 47], в ходе которого Япония стремится толковать в свою пользу все положения соглашений и договоров об «исключительном управлении» полосой отчуждения, включая сбор налогов, и об охране магистралей. «Если можно признать, что неоспоримые права санкционированы (договорами. — В.М.), то это более сомнительно для прав, вытекающих из расширительного толкования договоров, и уж точно невозможно для тех [прав], которые Япония сама себе присвоила» [Escarra-Ray, 1933, с. 65]. «Стоя на чисто юридической точке зрения, необходимо признать, что имеющихся у Японии прав недостаточно для оправдания взрыва 18 сентября. Прежде чем применять силу, она должна была прибегнуть к посредничеству или арбитражу, например в юрисдикции Постоянной палаты международного правосудия» [Escarra-Ray, 1933, с. 80], непосредственного предшественника Международного суда ООН.

В четвёртой главе Эскарра излагал и анализировал «действия Японии после 18 сентября 1931 года и аргументы, представленные для их оправдания», сразу отметив «исключительную сложность положения Японии в Маньчжурии, противоречия между бесчисленными текстами, регулирующими его, и их противоречивыми трактовками» [Escarra-Ray, 1933, с. 83]. Он подчеркнул, что Япония, отказавшись от примирительной «дипломатии Сидэхара», готовила экспансию: до взрыва железнодорожного полотна у Лютяогоу 18 сентября «пресса говорила о вооружённой интервенции, а в Генеральном штабе шли совещания» [Escarra-Ray, 1933, с. 87]. Отметив «очень умеренные» формулировки доклада комиссии Литтона, «даже допускавшего добрую волю со стороны японских офицеров», Эскарра отверг апелляцию к «клятвенным заявлениям японского правительства», добавив не без иронии: «В процессе не принято принимать во внимание клятвенные заявления только одной из сторон» [Escarra-Ray, 1933, с. 97].

Позицию Токио Эскарра оценил скептически: «Между аргументами, которыми Япония оправдывает свои действия, следует уста-

новить разницу, пусть даже несколько искусственную. Часть этих аргументов, действительно, имеет некоторую юридическую ценность. <...> Напротив, за другими нельзя признать юридический характер. Таковы аргументы, основанные на экономической или стратегической необходимости» [Escarra-Ray, 1933, с. 100–101]. Семь главных тезисов японской стороны он квалифицировал следующим образом.

Существующие права: «Несомненно, определённые права, вытекающие из должным образом заключённых договоров, неоспоримы и не оспариваются. Но очень многое из того, на что она (Япония. — *В.М.*) претендует, родилось из односторонней трактовки договоров, из их искажения и, что гораздо опаснее, из ситуации де-факто, навязанной Японией местным властям» [Escarra-Ray, 1933, с. 102].

«Необходимость защиты жизни и имущества японских жителей [Маньчжурии] от китайских беспорядков и особенно от бандитизма»: «Доклад (комиссии Литтона. — *В.М.*) чётко установил, что у японцев имелся детально разработанный план на случай боевых действий, в то время как у китайцев не было никакого плана нападения на японские войска в это время и в этом месте, никакого намерения угрожать жизни или имуществу японских граждан. Никто не будет оспаривать, что в определённых случаях иностранцы или сами китайцы оказывались в опасности в результате гражданской или иной войны. Иностранные державы могли вмешаться, чтобы защитить своих граждан, однако для этого их правительства не считали для себя возможным действием, выливающимися в бомбардировки городов и убийство беззащитного населения» [Escarra-Ray, 1933, с. 103–104].

«Китай находится в состоянии анархии, и Японии приходится поддерживать там порядок»: «Верно замечено, что Китай находился в гораздо более анархическом и дезорганизованном состоянии, нежели сейчас, когда он пытается навести порядок в доме, а Япония использует этот беспорядок как повод для вмешательства. <...> Если бы Китай был сильнее, в Маньчжурии не было бы ни одного японца. Она сумела проникнуть туда именно благодаря беспорядку и сама же поощряла его в интересах своей политики» [Escarra-Ray, 1933, с. 105–106].

Наиболее юридически весомым из японских аргументов Эскарра считал ссылку на кампании бойкота японских товаров в Китае, но

и здесь заметил, что бойкот был лишь «формой сопротивления вооружённой силе» [Escarra-Ray, 1933, с. 106–107]. Аргумент о перенаселённости Японии, принимавшийся во Франции даже теми, кто не симпатизировал японской политике, он отвёл ссылкой на незначительное число переселенцев на материк [Escarra-Ray, 1933, с. 108–109]. На бесспорный тезис о бедности Японии природными ресурсами Эскарра ответил вопросом: «Почему аргумент должен играть в пользу только одной стороны, а не другой? Если экономический аргумент считается весомым, то он должен быть весом для всех» [Escarra-Ray, 1933, с. 109–110]. Седьмой, стратегический аргумент он также отвёл как неюридический [Escarra-Ray, 1933, с. 110–111]. Баланс не в пользу Японии довершала последняя, самая короткая глава «Действия Японии с точки зрения международного права» со ссылками на Статут Лиги Наций, Договор девяти держав, Пакт Бриана-Келлога и решения Совета и Генеральной ассамблеи Лиги. Как «юрист, лишённый иллюзий относительно эффективности нынешней организации мира с помощью права», Эскарра не без пафоса закончил словами о том, что «Китай держит свою судьбу в своих руках» [Escarra-Ray, 1933, с. 123].

Если Эскарра напористо и наступательно осуждал японскую экспансию, то Рэй, осторожно оправдывая её, держал оборону. Специалист по гражданскому праву Франции, философ и социолог, ученик Эмиля Дюркгейма, после смерти Рэй долго пребывал в забвении, пока в 2014 г. историк А. Нанта не вспомнил о его вкладе во франко-японские отношения [Nanta, 2014]; независимо от него и примерно в то же время автор этих строк обратил внимание на Рэя как на значимую фигуру японского политического имиджмейкинга межвоенного периода.

Жан Рэй работал в Японии профессором французского права Токийского императорского университета (1916–1919), затем юридическим советником МИД (октябрь 1918 — март 1924, март 1927 — август 1929). С 1922 г. он был одним из преподавателей наследного принца Хирохито, который из иностранных языков в то время владел только французским. По свидетельству юриста Сугияма Наодзиро, профессора Токийского университета и члена Японской академии, Рэй, в отличие от большинства коллег-иностранцев, изучал японский язык и мог читать специальную литературу. В июле 1924 г. он получил Орден священного сокровища

третьей степени. Вернувшись во Францию, Рэй стал юридическим советником японского посольства и составил указатель к Гражданскому кодексу, изданный в 1926 г. Во время второго пребывания в Токио он участвовал в работе центра научного и культурного сотрудничества «Франко-японский дом», связь с которым поддерживал и позднее, помогая составлению сводного указателя японской литературы по праву, вышедшего в 1935 г. После возвращения в Париж Рэй снова стал советником японского посольства и занимал эту должность до смерти.

С начала 1920-х годов Рэй анализировал изменения в международном праве в результате создания Лиги Наций и её дочерних организаций. Оценивая возможность конфликта юрисдикций, он утверждал, что Лига, будучи лишь международной организацией, но не сверхгосударством, не является источником права. Уже в «Комментарии к Статуту Лиги Наций относительно политики и юриспруденции органов Лиги» [Ray, 1930] Рэй указал на затруднения организации при урегулировании двусторонних конфликтов стран-участниц. Прояпонская ориентация юриста не была секретом, но и его компетенция не вызывала сомнений, поэтому Фонд Карнеги счёл Рэя наиболее подходящей фигурой для того, чтобы представить аргументы Токио в маньчжурском кризисе.

В первой, программной лекции «Маньчжурский инцидент перед Лигой Наций» Рэй заявил: «На протяжении пятнадцати лет в силу профессиональных обязанностей я почти каждый день имел дело с японской политикой, поэтому намерен представить вам позицию и политику Японии. Нет необходимости говорить, что я выступаю не как судья, но как свидетель, уважающий правду и следующий методам критики. Все мои усилия направлены на то, чтобы освободить от субъективных трактовок факты и документы, по которым вы сможете составить собственное мнение» [Escarra-Ray, 1933, с. 129].

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретной проблемы, вызвавшей конфликт западных держав с Японией в Лиге Наций, лектор многозначительно напомнил: «Япония связана с Азией формой азиатской солидарности в силу географического положения, расовой близости и традиционной культуры. С другой стороны, в силу своей современной культуры и государственной структуры Япония сблизилась с западными странами. Она постоянно колеб-

летя между этими двумя тенденциями. Если Япония полностью забудет, что должно сближать её с Западом, если обозначившееся расхождение между ними усилится, это будет, я уверен, очень опасно не только для Японии, но и для всех вообще держав, как для имеющих интересы на Дальнем Востоке, так и для остальных» [Escarra-Ray, 1933, с. 130]. Юрист осторожно сформулировал то, о чём на языке политики — если угодно, *Realpolitik* — открыто говорил Жак Бенвиль: нельзя допустить отпадения Японии от «великих держав» Запада и, тем более, конфликта между ними, чреватого прежде всего угрозой их владениям, правам и интересам в Восточной Азии. Не существует ничего такого, что стоило бы этого риска.

Рэй не был апологетом Лиги Наций и не считал её панацеей от всех бед. Он отметил, что неучастие США и СССР в этой организации не освобождает их от обязательств по международному праву, поэтому сам факт членства Японии в ней положения не меняет. Напомнив о создании Советской Россией своего сателлита в виде Монгольской Народной Республики, не входившей в Лигу и не признанной другими державами (этому препятствовала Москва, стремившаяся сохранить монополию на внешнеполитические контакты МНР), и о конфликте 1929 г. на КВЖД между СССР и Китаем, т.е. маньчжурским режимом «молодого маршала» Чжан Сюэляна, который был урегулирован путём двухсторонних переговоров без участия Лиги, французский юрист подчеркнул, что «Советы в обоих случаях в полном объёме воспользовались свободой действий» и что «Япония не могла не ощутить оков, которые накладывает на её действия факт членства в Лиге Наций» [Escarra-Ray, 1933, с. 132].

Напомнив слушателям основные вехи рассмотрения маньчжурского конфликта Лигой Наций, Рэй остановился на участии в нём представителей США, юридическая правомочность которого была формально оспорена Японией, однако де-факто ей пришлось согласиться. «Это проблема психологии японцев, из-за которой совершаются одни и те же ошибки, — пояснил он. — Никто не понимает японского молчания. <...> Молчание бывает, как и у нас, знаком согласия, но бывает и формой недовольства. <...> Всякий раз, когда Япония удовлетворялась тем, что, выдвинув возражение, замыкалась в выражении оскорблённого достоинства, мы думали, что вопрос на самом деле урегулирован и что принятое решение всех устраивает» [Escarra-Ray, 1933, с. 135]. Важное наблюдение.

Перейдя к «докладу Литтона», Рэй обратил внимание ещё на одно обстоятельство, мало кем принимавшееся во внимание тогда и, добавим, сейчас. Все участники рассмотрения маньчжурской проблемы в Лиге Наций, кто высказал своё мнение, апеллировали исключительно к докладу, сразу же переведённому на многие языки, но «ни одно приложение к нему ни разу не цитировалось в ходе дебатов» [Escarra-Ray, 1933, с. 141]. Отдав должное «методичности, серьёзности и значительности» доклада, призванного выразить общее мнение комиссии Лиги Наций, лектор отметил, что все составленные экспертами приложения имеют конкретное авторство. «С политической точки зрения, такой документ не имеет такой силы, как доклад, это ясно; однако с научной точки зрения, для того, кто хочет непредвзято изучить вопрос, ценность приложений велика. Лично я полагаю, что она более велика, чем ценность коллективного доклада» [Escarra-Ray, 1933, с. 142]. Остаётся добавить, что и сейчас эта золотая жила информации, с поправкой на возможный субъективизм экспертов, остаётся непереверждённой на иностранные языки, кроме английского и французского — официальных языков Лиги, и невостребованной в науке.

Вторая лекция «Вопрос китайского суверенитета» посвящена вопросу, является ли Маньчжурия частью «собственно Китая». Конфликтующие стороны придерживались прямо противоположных позиций, оперируя разным набором исторических фактов. Мнение о том, что Маньчжурия — не часть Китая, но объект соперничества Китая, России и Японии, начиная с 1895 г., имело поддержку в тогдашней Франции.

Выстроив защиту японской позиции как хороший адвокат, Рэй привёл основные аргументы в пользу Китая, но сам же парировал указанием на де-факто «особое положение» этой страны в международном праве, осторожно выбирая выражения для указания на то, что с 1911 г. Китай не существовал как единое государство и являлся лишь объектом политики «великих держав», в собственных интересах установивших для него «специальное право» в виде «очень сложного сочетания специальных статутов, выводимых частично из договоров, частично из практики» [Escarra-Ray, 1933, с. 158–161]. В союзники он привлёк лидера Гоминьдана Ван Цзин-Вэя, утверждавшего в книге «Китай и державы» (Рэй цитировал французский перевод 1928 г.), что «неравноправные договоры»,

включая Договор девяти держав 1922 г., «остаются без изменения», что слова о «территориальной целостности» прикрывают стремление к расчленению Китая, а слова о «равных возможностях» — приглашение к «дележу пирога» [Escarra-Ray, 1933, с. 163–164]. «Главная мысль относительно китайского суверенитета, поддерживаемая Японией, в особенности относительно китайского суверинента в Маньчжурии, — суммировал юрист, — заключается в том, что это не реальность, а фикция. <...> То, что разрушили действия Японии в Маньчжурии, начиная с сентября 1931 г., это не китайский суверенитет, который никогда не действовал, но лишь режим Чжанов» [Escarra-Ray, 1933, с. 174].

Третью лекцию «Права Японии» Рэй начал с опровержения утверждений о том, что права Японии в Маньчжурии, включая полученные от России, исходно имели только экономический характер и лишь в результате её односторонних (читай: незаконных) действий превратились в политические [Escarra-Ray, 1933, с. 179]. Дав обстоятельный обзор событий, начиная с Тройственного вмешательства России, Германии и Франции в условия Симоносэцкого мирного договора 1895 г. между Японией и Китаем, юрист сделал акцент на выгодах, которые принесли Маньчжурии и торговле третьих стран «экономические и цивилизаторские действия» Японии в регионе, прежде всего с помощью Южно-Маньчжурской железной дороги и аренды Ляодунского полуострова, иными словами, с помощью политических прав, закреплённых в Портсмутском и Пекинском договорах 1905 г. [Escarra-Ray, 1933, с. 186–192]. Этот же аспект отметил Бонно, напомнив и о китайской экономической миграции в Маньчжурию, которую японцы, по его словам, «из опустошённой земли сделали обитаемой» [Vonpneau, 1933, с. 14–16, 37–38].

«Энергичные действия, — напомнил Рэй, — предпринятые Японией осенью 1931 г., были не более чем продолжением, подтверждением и освящением всей японской политики с начала нашего века» [Escarra-Ray, 1933, с. 201] — читай: одобрявшейся или, по крайней мере, терпимой остальными «великими державами». Замечу, что почти то же самое утверждал и его оппонент Эскарра, только со «знаком минус» в оценке политики Токио.

В четвёртой лекции — «Конфликт» изложение начиналось с формирования Чан Кайши в 1928 г. «национального правительства»

и провозглашения курса на обеспечение равноправия Китая. За этим последовало сближение с режимом Чжан Сюэяня для формирования антияпонской коалиции, что прямо угрожало интересам Японии, прежде всего на ЮМЖД, право японцев на вооружённую охрану которой подтвердила Вашингтонская конференция [Escarra-Ray, 1933, с. 221–222]. Именно связанные с этим «инциденты» послужили обоснованием (предлогом) для оккупации Маньчжурии. Признав наличие у японских военных планов наступательных действий, Рэй заметил: «Это не только естественно. Японское правительство могло бы с полным правом сказать: “Если наш Генеральный штаб не заготовил такой план, он самым явным образом пренебрёг своим важнейшим долгом”» [Escarra-Ray, 1933, с. 226].

Пятая лекция «Новое государство Маньчжоу-го» требует рассмотрения в рамках другой проблемы — восприятия этого «независимого государства» во Франции, к анализу которой автор намерен обратиться в будущем. В соответствии с позицией Китая, Эскарра существование Маньчжоу-го просто игнорировал как нелегитимное. Рэй призвал считаться с реалиями. Не был произнесён, но повис в воздухе расхожий аргумент о том, что по обстоятельствам создания Маньчжоу-го весьма напоминало некоторые «новые государства», появившиеся на карте после Первой мировой войны.

Шестая, заключительная, лекция «Маньчжурский вопрос и общая политика» помешала проблеме в глобальный международный контекст, поскольку она «связана с некоторыми аспектами общей политики, чреватых риском войны» [Escarra-Ray, 1933, с. 259]. Напомнив о распаде Китая и о его де-факто разделе на сферы влияния, Рэй заявил: «Китай — это цивилизация, это мир, это что хотите, но только не nation» [Escarra-Ray, 1933, с. 261]. Я сознательно оставил последнее слово без перевода, потому что во французском языке оно равноправно обозначает понятия «государство», «нация» и «народ», признать которые синонимами в русском языке невозможно. Рэй апеллировал ко всем этим значениям. В значении «государство» Китай в прежних границах перестал существовать в 1911 г., так что не японская экспансия в Маньчжурии его разрушила. Более того, Рэй считал цинскую империю искусственным государственным образованием, державшимся, пока у центральной власти было достаточно сил для этого. В значении «нация» Рэй считал «китайцами» только ханьцев, отметив центро-

бежные тенденции у не-ханьских народов (маньчжуры, монголы, уйгуры, тибетцы), стремящихся уйти от контроля центрального правительства под покровительство других держав (Японии, СССР, Британской империи). Даже комиссии Литтона пришлось признать, что Китай находится в хаотическом состоянии. «В этом смысле идеал федералистского типа, несомненно, имеет больше шансов на успех, чем узконационалистическая концепция» [Escarra-Ray, 1933, с. 261].

Выводя рассмотрение маньчжурской проблемы за рамки двусторонних отношений, Рэй остановился на двух сторонах советского фактора — железнодорожном и пропагандистском, связывая их с угрозой новой войны в регионе. В памяти всех следивших за мировой политикой был свеж вооружённый конфликт 1929 г. на КВЖД между СССР и режимом «молодого маршала». Любому хозяину положения в Маньчжурии приходилось считаться с тем, что по её территории проходит дорога, находящаяся в паритетном владении двух сторон, причём СССР наглядно показал, что ни от чего отказываться не намерен. Агрессивный, но слабый режим Чжан Сюэляна потерпел поражение. Формально китайские права на дорогу переходили к Маньчжоу-го — государству, признанному Москвой де-факто (консульства остались на местах), но не де-юре; фактически — к Японии, с которой предстояло договариваться о её будущем. Пропагандистского фактора Рэй коснулся лишь мельком, учитывая его деликатность, хотя французскую аудиторию особенно волновала угроза проникновения «красной заразы» в Индокитай.

Важность американского фактора Рэй видел в том, как экспансия в Маньчжурии отразится на отношениях между Токио и Вашингтоном, который осудил агрессию и заявил о юридическом непризнании её возможных последствий, включая образование новых государств («доктрина Стимсона»). На эту риторику сторонники японской позиции резонно отвечали указанием на многочисленные политические и военные интервенции США в Центральной Америке, включая создание в 1903 г. государства Панама, ранее бывшего частью Колумбии, для строительства канала [Vonneau, 1933, с. 16–18]. Напомнив о наличии болезненных проблем в двусторонних отношениях, прежде всего, об иммиграционной, и о том, что ранее США мирились с действиями Японии в Китае, даже основываясь на принципах «открытых дверей» и «равных возмож-

ностей», французский юрист указал на важность «доктрины Стимсона» для всех стран, «поскольку она связана с применением Пакта об отказе от войны» [Escarra-Ray, 1933, с. 271]. «Сегодня Япония может с полным правом утверждать, — подытожил Рэй, — что, совершив интервенцию в Маньчжурии для защиты своих прав, она не нарушила Парижский пакт» [Escarra-Ray, 1933, с. 274].

Подобно Бенвилю, Рэй отрицательно — с точки зрения интересов Франции — оценил разрыв Японии с Лигой Наций, но не терял надежду (или внушал её слушателям?), напомнив заявления её правительства о том, что Япония «не намерена проводить политику изоляции» [Escarra-Ray, 1933, с. 274]. Однако сложившуюся ситуацию он использовал для «рассеивания некоторых иллюзий» относительно возможностей «международных организаций мирового или континентального характера», «легкомысленных идей, за которые мы, западные люди, несём большую ответственность» и к которым «моим друзьям на Дальнем Востоке» следует относиться критичнее, а не слепо принимать их [Escarra-Ray, 1933, с. 275–276].

«Дуэль» Эскарра и Рэя стала наиболее основательным и убедительным, в том числе с учётом авторитета обоих ораторов, изложением китайской и японской позиций по маньчжурской проблеме во Франции и в этом качестве повлияла на отношение к ней различных слоев и групп французского «политикума», не говоря уже о правоведах. Оба юриста в дальнейшем отстаивали и развивали свои взгляды, к чему автор настоящей статьи планирует специально обратиться.

На фоне поединка мэтров незамеченной прошла книга А.Р. Тюлье «Маньчжурия и китайско-японский конфликт перед Лигой Наций», которую следует ввести в научный оборот в контексте пропагандистской войны. Автор, биографические сведения о котором пока найти не удалось, представил свой труд (отпечатанный в Тулузе под маркой парижского издательства Recueil Sirey, которое специализировалось на литературе по праву и выпускало, среди прочих, книги Эскарра и Рэя) юридическому факультету Университета Тулузы в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора права, которую он получил не позднее 27 апреля 1935 г. Этим числом датирован его инскрипт на экземпляре в моём собрании, на обложке и титульном листе которого автор уже фигурирует как «доктор права»; другой вариант, представленный к защите в каче-

стве диссертации, отличается лишь обложкой и титульным листом, на которых нет упоминания об учёной степени.

Тюлье преследовал не политические, но академические цели, открыв своё исследование первой фразой из предисловия Мишеля Монтэня к «Опытам»: «Это искренняя книга, читатель» [Tullié, 1935, с. 1]. Трудность поставленной перед собой задачи автор считал двоякой: во-первых, в силу специфического характера ситуации, не сводимой к простому нарушению границ, но и не перешедшей в состояние войны, что признал и «доклад Литтона»; во-вторых, в силу «сложности для европейца понять дальневосточный мир», поскольку «многие идеи, образ мыслей и действий людей Дальнего Востока кажутся нам алогичными, нелепыми и непостижимыми только потому, что отличаются от логики наших мыслей и понятий» [Tullié, 1935, с. 2]. Свою компетентность автор мотивировал тем, что «прожив добрых пятнадцать лет на Дальнем Востоке в постоянном общении с азиатскими народами, считает себя вправе говорить об этом без большого риска впасть в заблуждение» [Tullié, 1935, с. 3].

Актуальность темы Тюлье мотивировал значением позиций Франции в Индокитае. В первой части труда «Компоненты проблемы» он анализировал «Географические и исторические данные» (глава первая), «Причины утверждения Японии в Маньчжурии» (глава вторая), «Ресурсы Маньчжурии и масштаб японских интересов» (глава третья) и «Права Японии в Маньчжурии» (глава четвертая). Опираясь большим количеством источников японского, китайского и французского происхождения (на французском языке), включая работы Эскарра и Рэя, диссертант сделал вывод о справедливости основных аргументов японской стороны, причём опираясь не только на мнение её представителей. Согласно именитым французским учёным, Маньчжурия ни географически, ни исторически не являлась частью Китая, но лишь его владением, поэтому «маньчжурский народ имел право отделиться и провозгласить свою независимость от Китайской Республики» [Tullié, 1935, с. 30–31, 38]. Утверждение Японии в Маньчжурии Тюлье рассматривал как ответ на многовековое «продвижение царизма на Восток» [Tullié, 1935, с. 39] и как воздействие фактора «избыточного населения», не просто демографическое, но и социальное (рост социальных противоречий после Первой мировой войны). Автор высоко

оценил вклад Японии в экономическое освоение и развитие Маньчжурии после Русско-японской войны, сделав акцент на его взаимовыгодном характере: сырьё в обмен на инвестиции и технологии. Поэтому создание Маньчжоу-го он считал не только легитимным, но положительным фактом и призвал признать новое государство, уверенный в его жизнеспособности [Tullié, 1935, с. 110–111, 336–343].

Во второй части книги, «Конфликт», Тюлье рассмотрел «Давние причины конфликта» (глава первая) с акцентом на «дурное управление при Чжанах» [Tullié, 1935, с. 149–158], при которых правовые механизмы практически не действовали, и вечно актуальные для региона железнодорожные проблемы [Tullié, 1935, с. 181–193], а затем «Ближайшие причины конфликта» (глава вторая), которые скорее можно считать поводом. В третьей части «Конфликт перед Лигой Наций» Тюлье академично изложил ход рассмотрения проблемы международным ареопагом (главы первая и вторая), отдельно рассмотрев «Защиту Японии» (глава третья), и сделал вывод: «На основании вышеизложенного мы полагаем, что решение, вынесенное против Японии, не считалось с фактами, игнорировало их или недооценило их важность. Поэтому роль Лиги Наций в этом деле мы считаем, по меньшей мере, ни слишком блестящей, ни особенно мудрой» [Tullié, 1935, с. 320].

У нас нет оснований говорить о политическом резонансе диссертации Тюлье, но сам факт её существования — и одобрения высокой академической инстанцией — показывает неоднозначность восприятия французской элитой 1930-х годов японской континентальной и колониальной политики. Дальнейшее изучение этой темы обогатит наши представления о международных отношениях в Северо-Восточной Азии и об их пиаровском эхе по всему миру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. 736 с.

Bonneau G. Japon et Mandchourie. Osaka-Paris : Osaka Taishi Keizai Remmei — Messein, 1933. 45 с.

Creel G. How We Advertised America. N.Y.-London: Harper & Brothers, 1920. 521 p.

Escarra J. La Chine et le droit international. Paris: Pedone, 1931. 419 p.

Escarra J. Le Conflit Sino-Japonais et la Sociетй des Nations // Ray J. La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Paris: Publications de la conciliation internationale, 1933. 278 p.

Escarra J. Le droit chinois. Conception et йvolution. Paris: Recueil Sirey, 1936. 560 p.

Escarra J. Рйflexions sur la politique du Japon a l'йgard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel. <Perpignan, 1937>. 28 p.

Flandin P.-E. Politique franзaise. 1919–1940. Paris: Les Editions Nouvelles, 1947. 466 p.

Nanta A. Jean Ray ou un regard franзais sur la politique extйrieure du Japon dans les annйes 1920–1940 // Ebisu. Etudes japonaises. Vol. 51 (2014). P. 75–97.

Ray J. Commentaire du Pacte de la Sociетй des Nations selon la politique et la jurisprudence des organes de la Sociетй. Paris: Recueil Sirey, 1930.

Tullie A.R. La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Sociетй des Nations. Paris: Recueil Sirey, <1935>.

References

Bonneau G. (1933). Japon et Mandchourie. Osaka-Paris: Osaka Taishi Keizai Remmei — Messein.

Creel, G. (1920). How We Advertised America. N.Y.-London: Harper & Brothers.

Escarra J. (1933) Le Conflit Sino-Japonais et la Sociетй des Nations // Ray J. La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Paris: Publications de la conciliation internationale.

Escarra, J. (1931). La Chine et le droit international, Paris: Pedone.

Escarra, J. (1936). Le droit chinois. Conception et йvolution, Paris: Recueil Sirey.

Escarra, J. (1937). Рйflexions sur la politique du Japon a l'йgard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel, <Perpignan: n.p.>.

Flandin, P.-E. (1947). Politique franзaise. 1919–1940, Paris: Les Editions Nouvelles.

Mescheryakov, A.N. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan], Moscow: Natalis. (In Russian).

Nanta A. (2014) *Jean Ray ou un regard franзais sur la politique extйrieure du Japon dans les annйes 1920–1940* // *Ebisu. Etudes japonaises*, Vol. 51, p. 75–97.

Ray J. (1930). *Commentaire du Pacte de la Sociйtй des Nations selon la politique et la jurisprudence des organes de la Sociйtй*. Paris: Recueil Sirey.

Tullй A.R. (1935). *La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Sociйtй des Nations*. Paris: Recueil Sirey.